

A romantic couple in a modern apartment. The man, with light brown hair and a beard, wears a white shirt and has his arms around the woman. The woman has long, wavy red hair and wears a white lace bra and blue jeans. They are about to kiss. The background shows a modern interior with a sofa, a staircase, and large windows.

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

ЖЕЛАНИЕ #5

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Эльденберт

Желание #5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48512061

SelfPub; 2019

Аннотация

Оказаться в одной квартире со сводным братцем – то еще удовольствие, особенно если когда-то была в него влюблена. Впрочем, я давно уже не та наивная девочка, которая смотрела на него большими глазами. Хотя он, кажется, считает иначе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Вета	4
Глава 2. Вета	30
Глава 3. Ник	56
Глава 4. Вета	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1. Вета

– Мы приземлились в аэропорту Внуково города Москвы. Погода в Москве отличная, плюс двадцать два градуса. Просим вас оставаться на своих местах до полной остановки самолета и...

Слова капитана напрочь игнорируются: щелкают ремни безопасности, люди вскакивают со своих мест, чтобы поскорее стащить с полок ручную кладь и выстроиться в длинную очередь. Как будто их выпустят из самолета раньше, чем прицепят «рукав».

Я не тороплюсь. Да и зачем? Помимо увесистого рюкзака со мной прилетел чемодан, хотя скорее, чемоданище, который придется ловить на ленте выдачи багажа. Но я народ понимаю: в моей крови тоже гуляет адреналин. Не из-за перелета – я уже летала, пусть это было в детстве, а потому что я впервые в Москве одна. И могу делать все, что захочу.

Сматываю наушники и меняю время на московское. В этот момент очередь наконец-то начинается двигаться к выходу, и я уже вместе с ней. Во Внуково я впервые, но он мало отличается от других аэропортов: стеклянные переходы, высоченные потолки и металлический каркас, удерживающий все это. За огромными окнами безоблачное небо и яркое, уже осеннее солнце. Не жалею, что выбрала самолет, хотя

перелет «Победой» и билет на аэроэкспресс обошлись мне в два раза дороже, чем попутка на «Бла-бла-каре». Я решила, что так быстрее и безопаснее, хотя, возможно, с последним нелюбители самолетов не согласятся.

Звонок застает меня именно тогда, когда я пытаюсь стянуть чемоданище с ленты, и проходит мимо, в отличие от чемодана, в ручку которого я успеваю вцепиться. Его перехватывает парень с моего рейса. Высокий, с косой челкой и широкой улыбкой. А главное – с волосами цвета пшеницы.

– Давай помогу.

– Спасибо, – улыбаюсь в ответ и поправляю лямку рюкзака на плече.

Опыт общения с парнями у меня практически нулевой, поэтому даже немного стыдно, что на моем лице из косметики только вишневый блеск для губ. А еще, что для своего путешествия я выбрала старые, растянутые джинсы и белую футболку с надписью «Be a voice, not an echo». Удобно, но слишком простенько. Особенно для знакомства с парнем, черная майка которого не скрывает рельефа мышц.

У него сильные руки, а предплечья украшают сложные узоры татуировок, но так как пялиться на них не совсем вежливо, то я перевожу взгляд на чемоданище в кислотно-оранжевом чехле. Успеваю только отметить, что по широкому мужскому запястью будто скользит огромный скорпион.

– Нравится?

Черт! Глазастый.

- Да, – признаюсь. – Скорпион как живой.
- Работа моего ученика, – заявляет гордо.
- Ученика?

На вид ему лет двадцать пять, так что ничего удивительного в моем удивлении нет.

- Да, у меня свой тату-салон.

Вау! Я люблю татуировки, но пока что моя кожа девственно чиста, не считая пробитых в тринадцать лет мочек ушей. Ужасно боюсь боли!

– Влад, – протягивает он ладонь, которую я с удовольствием пожимаю.

- Вета.

- Это сокращенно от Светы?

- Нет, от Елизаветы.

Он хочет спросить что-то, но мой телефон опять разрывается знакомой мелодией. Лезу в карман джинсов и, не глядя, нажимаю отбой. Я и так знаю, кто звонит... Но кажется, абоненту все равно на то, что я занята, потому что звонок сразу же повторяется.

Тогда я отбиваю снова и торопливо набираю сообщение: «У меня все хорошо. Перезвоню позже».

Когда буду готова к этому разговору. Если буду готова. Поэтому ко всему прочему выключаю на телефоне звук.

- Парень? – спрашивает мой новый знакомый.
 - Нет, – мотаю я головой и признаюсь: – Мама.
- Его улыбка превращается в понимающую.

– Волнуется? Моя такая же.

– Ага, – киваю я.

А еще она, наверняка, в гневе, но это не то, чем стоит делиться.

Влад снимает с ленты свою сумку, кладет на чемоданище и идет к выходу. Галантно, и это мне нравится.

– Надолго в Москву?

Вскидываю подбородок и смотрю ему в глаза. У него они светло-карие.

– Надеюсь, что навсегда.

– Дерзко, – смеется Влад. – Тогда желаю удачи в покорении столицы!

– С чего ты взял, что я собралась ее покорять?

– С таким вызовом во взгляде? Только покорять.

Я смеюсь в ответ.

– Нет, не поэтому... Долго объяснять.

– О'кей. Тогда может пересечемся снова? Выпьем кофе, и расскажешь про свои планы?

– С удовольствием, – соглашаюсь.

Мы обмениваемся номерами телефонов, и он провожает меня до вагона аэроэкспресса. Жаль, что нам не по пути: Влада уже ждет такси. Но знакомство с таким классным парнем – хороший знак, это точно.

За окном электрички рассматривать нечего, тем более она движется слишком быстро, а я взбудоражена знакомством и собственной смелостью, поэтому достаю из рюкзака свою

книгу желаний, потрепанный блокнот, с которым не расстаюсь уже несколько лет. В него я записываю самые сокровенные мечты, мысли и все свои планы.

Нахожу в самом начале списка нужный пункт.

Переехать в Москву.

Да! Со щемящим чувством в груди ставлю рядом особенно жирную галочку.

Я в Москве, и теперь буду здесь жить.

Второй по важности пункт в моем длинном списке вещей, которые хочу сделать или попробовать в своей жизни. Важное и всякие пустяки вроде узнать, каковы на вкус устрицы, или остановиться в пятизвездочном отеле. Я веду его с двенадцати лет, пусть старомодно, но мне нравится ощущение бумаги под пальцами, шелест страниц, едва уловимое поскрипывание стержня ручки, когда пишешь, особенно, когда вычеркиваешь сделанное. Это особый кайф и самый торжественный момент!

И мой большой секрет.

Переезд занимает второе место в топе заветного, а первое... Первое принадлежит тому, ради чего я здесь.

От Киевского вокзала до пункта моего назначения две остановки на метро. Дом старый, но лифт, к счастью, работает. Не представляю, как бы я тащила чемодан на четвертый этаж по лестнице.

– Ветка!!! – визжит Катя, увидев меня на пороге, и бросается обнимать. Она на полторы головы выше, поэтому меня

едва не сносит в сторону. – Я так соскучилась! Прямо соскучилась-соскучилась!

– Еще бы, Емцева! Два года прошло.

– Два года! Капец как много!

Катя – моя школьная подруга. И самая лучшая. Мы как познакомились в первом классе, так все время сидели за одной партой, а после уроков вместе гуляли. Надолго вообще не расставались. Ей я могла доверить любой секрет, зная, что об этом никто не узнает. Мы были не разлей вода, даже во всех списках наши фамилии стояли рядом, но в девятом классе родители Емцевой уехали в столицу и забрали единственную дочь с собой. С тех пор мы общались через ВК и WhatsApp, а встречались на каникулах, когда Катя приезжала к бабушке. Желание уехать в Москву появилось у меня раньше, чем это сделала лучшая подруга, но благодаря ей только укрепилось.

– Тебе нужно было давно это сделать, – заявляет она, когда мы отлипаем друг от друга, и втаскиваем чемоданище в прихожую. – Уф! Тяжелый. Ты туда любовника что ли запихнула?

– Он бы там не выжил, – давлюсь смехом.

– Ну, я не в курсе твоих сексуальных предпочтений, – парирует эта язва. – Но ощущение такое, что ты всю жизнь сюда поместила.

– В каком-то смысле, так и есть: в этом чемодане все самое важное, что я забрала из дома.

Светлые брови подруги подскакивают вверх и скрываются за челкой.

– Значит, это правда? – переспрашивает она, будто по-прежнему не может в это поверить. – То есть ты не в гости, а насовсем?

– Кать, – смеюсь я, – мы же с тобой неделю назад разговаривали. Я как раз сказала, что билеты купила, и что на этот раз все серьезно... Или ты не рада меня видеть?

Мысль странная, но я почему-то за нее цепляюсь. Мы действительно с Емцевой обсуждали мой приезд, и для меня все казалось решенным. И вообще-то не понятно, чему Катя так удивляется.

– Рада. Еще как рада! Просто я до конца не верила, что ты решишься. Ты же всегда была такой...

– Какой?

– Ну, у тебя родители строгие, – выкручивается подруга. – И ты целый год думала, переезжать или нет.

На самом деле, я работала, чтобы все-таки переехать.

– Это же отпад, Вет! – Она снова порывисто меня обнимает и тащит на кухню. По пути рассказывая, куда мы отправимся сегодня. И завтра, и в этом месяце. А заодно угощает меня сэндвичами с ветчиной и кофе.

Я у нее впервые, поэтому с любопытством рассматриваю бледно-голубую кухню, деревянный стол у стены и холодильник, на котором нет пустого места от магнитиков: в отличие от моей семьи, Емцевы много путешествовали.

– А как же институт? – спрашивает Катя, когда с ветчиной, сыром и хлебом покончено.

– Бросила. Ты же знаешь, что химия это не мое. Как бы я не старалась, вряд ли у меня получится продолжить славный род аптекарей.

Да, бабушка и мама провизоры, и очень хотели, чтобы я тоже им стала. Людям всегда будут нужны лекарства, работа непыльная, зарплата хорошая и пoboкy, что душа не лежит. Работа не должна нравиться. Я же в корне с этим не согласна, трудности, конечно, закаляют, но только когда интересна сама цель.

– Как Елена Дмитриевна на это согласилась?

– Мне разве нужно ее согласие? Мне уже девятнадцать, Кать, не пять.

– Она не в курсе? – Подруга деловито заправляет длинную мелированную прядь за ухо и делает глоток кофе.

– Я ей рассказала. Вчера.

– О господи, Вета! И что они сказали?

– Устроили великую трагедию, – пожимаю я плечами. – Особенно отчим. Он вроде как ответственный за меня и все такое.

Нет, Александр Федорович – нормальный мужик, но иногда он слишком перегибает. И не понимает, что я давно в их новой с мамой семье лишняя.

– На мою жизнь у меня свои планы.

– Понимаю, – тянет подруга. – Это то, что я думаю?

Ответить я не успеваю, потому что кто-то звонит в дверь, точнее в домофон, и Катя буквально выбегает в коридор.

Ждет кого-то?

Впрочем, она так же быстро возвращается.

– Э-м-м... Вета, кажется, это по твою душу.

– Чего?

Мои глаза, по ощущениям, становятся большими-пре-большими, потому что за мной могли явиться только мама или отчим. Но нас разделял полуторачасовой перелет, а я в Москве всего ничего. Это просто не могут быть они, потому что телепорт еще не изобрели.

– Это Никита, – объясняет Катька. – Омельчин.

Мой сводный брат?!

Да я скорее поверю, что я выиграла миллион, чем в том, что он здесь. Потому что не представляю кто или что может заставить Ника Омельчина явиться за моей душой или телом. Или за всем вместе. Да и вообще заставить делать что-либо. Наша общая история тому доказательство.

Никита – старший сын Александра Федоровича и мой сводный брат. Чисто номинально, потому что когда отчим женился на маме, Ник уже давно учился и работал в столице. Так что мы впервые с ним встретились на свадьбе родителей. Ну как встретились, скорее, я его впервые увидела вживую, а не на фото. Было столько гостей, что нас просто забыли представить друг другу. А я боялась подойти к нему сама. Высокий, темноволосый, широкоплечий, он тогда показался

мне самым красивым парнем, которого я когда-либо видела. Поэтому я краснела, бледнела и весь вечер просто пялилась на него, не решаясь сделать шаг и сказать: «Привет! Я твоя сестра». Казалось, что он сдвинет широкие брови и попробует меня недовольным взглядом. Когда же все-таки решилась, выяснилось, что он уже уехал.

Потом я долго ругала себя за трусость и мечтала о новой встрече с Никитой несколько месяцев. У меня было оправдание: мне тогда исполнилось двенадцать, и я хотела, чтобы у нас с мамой появилась настоящая семья, а у меня – братья или сестры. В моем случае брат был один, и жил он в другом городе.

К следующему визиту Никиты к отцу мои мечты так и не развеялись. Я тогда решила исправить оплошность со знакомством и подошла к нему первая: выбежала на крыльцо дома, споткнулась и едва не сбила Ника с ног. Наверное, только благодаря силе и умению брата балансировать, мы тогда с этого крыльца не улетели. Потому что хрупким подростком я не была. Но когда я на долю секунды оказалась в его объятиях, из меня повторно выбило весь воздух, а от прикосновения ткани пиджака к щеке и аромата мужского парфюма закружилась голова и подкосились колени. Не знаю, из-за чего мне стало более стыдно: от собственной неуклюжести или реакции на его прикосновения.

– Ты кто? – лениво спросил Никита, отодвинув меня и поставив на ступеньку ниже.

Я так долго готовила эту фразу, что выдала ее без запинки:
– Я твоя сестра.

Скептически меня оглядев, выдал он:

– У меня нет сестер, детка.

– Теперь есть, – нашлась с ответом я. – Я.

За смелость (хотя скорее за глупость) меня удостоили пристальным взглядом. Казалось, он просканировал меня от макушки до пальчиков ног, которые не скрывали старые резиновые шлепанцы. Темно-рыжие кудри, с которыми не справлялась ни одна расческа, круглое веснушчатое лицо и пухлую фигуру. И озвучил свой приговор:

– Ошибаешься.

Ник шагнул в дом, тем самым показывая, что разговор закончен. И мне бы тогда остановиться, поверить этому не мальчику, но мужчине. Проблема была в том, что я с детства отличалась целеустремленностью и препятствия меня не пугали. Поэтому в тот момент решила, что сделаю все, чтобы понравиться Омельчину.

За что потом очень сильно поплатилась. И о чем очень-очень хотела бы забыть.

В общем, сейчас нас ничего не связывает. Пусть так и остается.

Но какого он здесь забыл?

– Я бы на твоём месте дверь не открывала, – предлагаю я. Потому что Никита – последний, кого мне хочется сейчас видеть в моей новой жизни. Более того, я не собираюсь с ним

видеться в принципе.

– Думаешь, его это остановит? – хмурится Катя.

– Его время стоит дорого, так что вполне вероятно, что Ник свалит минут через пять. Хотя ты можешь сказать, что меня здесь нет.

Подруга поджимает губы:

– Вет, я уже впустила Омельчина в подъезд и сказала, что ты тут.

Если бы у меня была машина времени, я бы прыгнула в нее и отмотала время назад, чтобы не позволить Емцевой нажать эту клятую кнопку домофона. Но такой машины у меня нет, зато есть сводный брат за дверью. Поэтому я бросаю на Катю яростный взгляд, поднимаюсь и решительно направляюсь к выходу. И по пути готова мысленно надавать себе оплеух. Потому что прошло то время, когда я была готова бежать за Ником на край света.

Но готова ли я встретиться с ним лицом к лицу?

«Готова!» – рычит чувство собственного достоинства. В конце концов, моя сопливая юношеская влюбленность прошла, я теперь девочка взрослая и даже одна в большом городе. Мне все по плечу!

Поэтому я быстро поворачиваю ключи в замке и резче, чем собиралась, открываю дверь.

Омельчин стоит на лестничной клетке и вертит солнцезащитные очки в руках. Лучше бы он их не снимал, потому что взгляд темно-серых глаз как выстрел в грудь и навы-

лет. Я, кажется, забыла какой он высокий, и в плечах Ник стал только шире: светлая рубашка не скрывает рельефности мышц. Раньше его черты были мягче, теперь же все в нем говорит о силе и опасности. Он будто шагнул со страниц «Форбс». Буквально! Просто перекроил под себя две реальности, и оказался поближе к моей.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю хрипло, потому что Ник выглядит еще мужественнее, чем в моих воспоминаниях. Он изменился, и стал еще...

– Приехал за тобой, Елизавета.

Самоувереннее!

А вот голос у него не изменился: такой же низкий, глубокий. Даже мое полное имя не режет слух, но именно этот факт вытряхивает меня из ступора, в который я впала.

– Елизаветой меня называет только бабуля.

– Плевать, – и судя по тону, он с собой честен. – У тебя есть десять минут, чтобы попрощаться с подругой и успеть на ближайший рейс домой.

– Я только приехала и домой не собираюсь.

– Это не обсуждается.

– Еще как обсуждается! – зверею я. – Как ты вообще меня нашел?

– Отец дал адрес, где тебя искать, а конспиратор из тебя так себе.

Мысленно вспоминаю все матерные слова из собственного лексикона. Потому что мама, естественно, знает, где жи-

вет Катя. А еще знает, что кроме Емцевой у меня в Москве никого нет. Ну если не считать самого Омельчина, но он последний человек в столице... Нет! Он последний человек в мире, с которым я буду жить в одной квартире.

– Нянька из тебя тоже так себе, – отвечаю и со злорадством самоубийцы наблюдаю, как сжимаются тонкие губы и раздраженно раздуваются его ноздри. – Я уже взрослая девочка, и ты должен это понимать.

Я подразумеваю то, что он сам однажды выпал из семейного гнезда и отправился покорять столицу. Надо сказать, успешно. Никита закончил МГУ и параллельно открыл свое дело, начинал с небольшого тренажерного зала, а теперь у него сеть спортивных клубов по всей стране. Хотя отчим из тех людей, кому не нравится, когда кто-то поступает им наперекор, и даже спустя несколько лет не простил сыну разрушенной отцовской мечты увидеть Ника чемпионом. Сводный брат отказался от спортивной карьеры и из-за этого основательно разругался с отчимом.

Мой намек более чем прозрачен, но мужчина перестает крутить в руках очки и смотрит на меня так, будто видит впервые. Оценивающе. Как если бы я была не надоедливой сводной сестрой, прицепом доставшейся к новой отцовской супруге, а незнакомкой.

Потемневший как штормовое небо взгляд горячими мазками скользит по моим губам и вниз. Задерживается на груди, натягивающую плотную ткань футболки, оглаживает

бедра и ноги, а я сглатываю, потому что ощущение такое, что я стою перед ним нагишом. И хочется немедленно прикрыться. Хотя лучше вернуться к Катке и захлопнуть перед ним дверь!

Омельчин будто улавливает мое желание и делает шаг ко мне. Всего один шаг, а он оказывается невероятно близко, отчего все во мне переворачивается от запаха морской соли и мускуса. От знакомого аромата. Его аромата. Сердце едва не выпрыгивает из груди, а мысли – из сознания.

Я отступаю назад и натыкаюсь на двери, которые успела прикрыть, чтобы Катка не подслушивала. Дальше отступить некуда, только позорно убегать. Но для этого нужно открыть чертову дверь, которая по всем правилам пожарной безопасности распаивается на лестничную клетку. То есть мне придется подвинуться еще ближе к Омельчину, влипнуть в него всем телом, или подвинуть его, что при габаритах сводного брата – миссия невыполнима.

– Взрослая девочка, говоришь? – усмехается он, склонившись так, что ухо щекает его дыхание, и не позволяет мне отодвинуться в сторону, прижав широкую ладонь к металлу за моей спиной. Лицо Ника так близко, будто он собирается меня поцеловать. – И что взрослая девочка собирается делать в Москве?

Вопрос меня встряхивает.

– Не твое дело, – огрызаюсь я, подныриваю под его руку и оказываюсь на свободе.

– Видишь ли, теперь мое, – с видимым сожалением заявляет Омельчин. – Ты теперь мое дело, Елизавета. Отец попросил доставить тебя домой. Так что будь хорошей взрослой девочкой, собери вещи, и я отвезу тебя в аэропорт.

– У тебя проблемы со слухом?

Даже удивительно, что получается спросить спокойно, потому что в груди словно разожгли костер из злости и раздражения. Потому что это не смешно. Совсем.

– Скажи отчиму, что не нашел меня. Москва большая.

– Но я тебя нашел.

Он прищуривается и складывает руки на груди, отчего рубашка сильнее натягивается на широких плечах, а я понимаю, что в моем личном пространстве сейчас слишком много Омельчина.

– И что дальше? Поточишь за волосы?

– Интересная у тебя фантазия, взрослая девочка, но я предпочитаю «таскать» женщин за волосы в другом контексте. – И пока мои щеки не начали гореть от нарисованной сводным братцем картинки, добавляет: – А с тобой мы можем просто договориться.

Вид у Ника настолько непрошибаемый, что сразу видно: он не просто привык договариваться. Он привык договариваться на максимально выгодных ему условиях. Его насмешливый взгляд будто говорит: «У всех есть цена, так просто назови свою». Тем приятнее его разочаровывать. Но я не тороплюсь с ответом, делаю вид, что раздумываю и прикусы-

ваю нижнюю губу, чтобы сразу не послать его на три буквы.

– И что же ты можешь мне дать?

– Чего ты хочешь?

Я подаюсь вперед, едва не касаясь грудью его груди и смахиваю с мужского плеча невидимую пылинку. Хотя спорю на последние трусы, на таких, как он, даже пыль не садится!

– Тебя, – с придыханием шепчу я, поднимая на него невинный взгляд, – хочу тебя на всю ночь.

Темно-серые глаза распахиваются так широко, что я только сейчас замечаю графитовый ободок на радужке. Едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться.

1:0 в мою пользу!

– Нет? – быстро интересуюсь я, пока он не пришел в себя и удерживаюсь от шпильки: – Или на всю ночь тебя не хватит? Возраст и все такое. Тогда нам говорить не о чем.

Мой план прост: быстро открыть двери и так же быстро прошмыгнуть в Катькину квартиру. Но эффект неожиданно проходит раньше, чем я воплощаю план в жизнь. Успеваю только повернуться к нему спиной, как Никита толкает меня вперед. Дверь захлопывается с легким щелчком, а я оказываюсь зажатой между ней и Омельчиным.

– Во-первых, взрослая девочка, я старше тебя лишь на десять лет, – напоминает он. – И то, на что я способен в постели, не идет ни в какое сравнение с теми сопляками, с которыми, судя по всему, имела дело ты.

– Это мечты? – интересуюсь я и пытаюсь вывернуться, но

добиваюсь лишь того, что меня теснее прижимают к себе.

– Констатация факта. Иначе бы ты сто раз подумала, прежде чем дразнить мужчину.

От его слов по спине бегут мурашки.

– Во-вторых, не лезь в игры, правила которых не знаешь. Взрослые игры. Потому что проиграешь наверняка.

– Отпусти меня.

– Уже передумала?

Отодвинуть Ника никак не получается, и повернуть голову тоже. С ужасом понимаю, что наваждение, от которого я страдала несколько лет, никуда не делось. И вместо того, чтобы вырываться, мне хочется... дразнить его. Снова и снова. Податься назад и потереться о пах ягодицами, чтобы... Чтобы – что?

Черт, о чем я вообще думаю?!

Я дергаюсь, стараясь вывернуться из захвата, но Никита неожиданно первым отпускает меня и делает шаг назад.

– Ты для меня староват, – замечаю я.

Вид у Омельчина более чем скептический. Я бы сказала, скучающий.

Зато у меня сейчас будто жидкий огонь бежит по венам.

Ладно, 1:1.

– У тебя осталось три минуты, чтобы собраться, Елизавета. Самолет ждать не будет. И я тоже.

– Так не жди, – замечаю я. – Я все равно никуда не полечу. Можешь передать Александру Федоровичу, что я к ним не

вернусь.

По крайней мере, сейчас.

Никита припечатывает меня суровым взглядом и направляется к лифту. Но уже ударив по кнопке, заявляет:

– Если я сейчас уйду, можешь на меня не рассчитывать.

– Даже не собиралась, – отвечаю. – Ты еще ни разу не вел себя как тот, на кого можно рассчитывать.

Вот теперь в серых глаза вспыхивает ярость, но я, прежде чем он успевает ответить, хлопаю дверь.

Это, кажется, 2:1.

Но меня по-прежнему трясет.

Меня потряхивает, как будто пробежала марафон. Или, скорее, прыгнула со скалы. Скалы под названием «Омельчин».

– Не пригласила? – интересуется подруга, прогоняя мой ступор. Она успела помыть посуду и уткнуться в телефон, но при моем появлении на кухне отложила его в сторону.

– Вот еще, – мотаю я головой и объясняю: – Хотел вернуть меня в семейное гнездо.

– Домой? – Катя выглядит разочарованной. – Я вообще-то подумала, что он за тобой.

– В смысле?

– Ну то... Что вы вместе.

Если есть что-то способное удивить меня больше, чем прижимающий меня к стене Омельчин, то вот это оно.

– Нет! Точно нет. Мы же брат и сестра. Вроде как.

– Вроде как, ага, – смеется Катька. – У вас разные биологические родители, и вы даже не росли вместе.

– Это все равно тянет на извращение.

Сексуальное такое извращение.

– Да брось, он тебе всегда нравился.

– Как брат, – поправляю я. – Он мне нравился как брат.

– Ясно, – кивает подруга и снова печатает сообщение, на минуточку теряя ко мне интерес. – Тогда где ты собираешься жить?

– Вообще-то, у тебя. Как и договаривались.

Катя столько раз звала меня к себе, что я уже сбилась со счета. Родители Емцевой полтора года назад умотали в Испанию, оставив двухкомнатную квартиру в распоряжение дочери. Она постоянно жаловалась, что ей очень скучно, и говорила, как бы было круто, если я поселюсь у нее, хотя бы пока толком не устроюсь и не найду жилье.

Но сейчас подруга резко бледнеет и, кажется, забывает о своем виртуальном собеседнике.

– То есть как у меня? – переспрашивает она, а я чувствую подкрадывающегося ко мне пушного зверька, песка. Только через букву «и».

– Емцева, ты же сама убеждала меня к тебе переехать. Я даже у тебя переспрашивала: прикалываешься или нет. Это что, мне приглючилось?

– Нет, – она качает головой. – Просто кое-что изменилось.

– Родители возвращаются?

– Нет, я уже живу кое с кем.

Словно в какой-то мелодраме снова звонит домофон.

У меня дергается глаз, хотя умом понимаю, что вряд ли это Омельчин, а вот Катя спешит впустить гостя. Теперь по ее торопливым движениям я понимаю, что она кого-то ждет. Кого-то конкретного, кто вовсе здесь не гость. И мне безумно хочется посмотреть, кто это. Поэтому я иду в прихожую следом за ней.

– Да, открываю... Вет, – подруга поворачивается ко мне и принимает самый раскаявшийся вид, на который способна. Но от ее взгляда мне хочется ругаться матом. Потому что вся эта ситуация – тупее не придумаешь! – Ну откуда я могла знать, что ты действительно решишься на переезд? Что в этот раз точно-точно приедешь?

– Не могла, – соглашаюсь я, разглядывая входную дверь. – Но ты хотя бы могла сообщить о своих изменившихся обстоятельствах.

– Его зовут Толя, и мы давно знакомы, – объясняет Катя.

– Тот басист из чата меломанов? – припоминаю я. – Он же в Анапе живет.

– Жил.

– У него, кажется, была девушка.

– Они расстались.

– И ты пригласила его к себе.

Это не вопрос – констатация факта, как сказал бы Омель-

чин. Да, подруга говорила об этом парне, но всегда, что они просто друзья. Угу, друзья, а я – слепая идиотка, которая не хотела замечать очевидных вещей. Но что больше всего меня интересует, так это...

– Почему ты не сказала, что у вас все серьезно?

Она морщится.

– Потому что не хотела его ни с кем делить.

– Делить? – мои брови ползут вверх. – Я же не ревнивый бойфренд, Кать. Мы же подруги.

– Я не знала, как ты это воспримешь. У тебя же нет парня. Не хотела, чтобы ты считала меня предательницей.

Какая бредятина!

– Ага, теперь я точно считаю, что мы подруги навсегда.

– Ну да, подруги, – сарказмом на сарказм отвечает Катька. – Признайся, что просто хотела пожить у меня на халяву.

Я задыхаюсь от злых и обидных слов, которые будто проводят между нами черту. Жирную, как линия в метро, черту, за которую нельзя заступать, если не хочешь случайно оказаться под колесами электропоезда. Но, кажется, я уже внизу и слышу вой сигнала приближающейся многотонной машины, которая вот-вот меня раздавит.

– Если бы ты хоть раз намекнула, что не рада меня видеть, я бы не приехала, – цежу я, подхватывая свой рюкзак с тумбы в коридорчике. Хорошо хоть не стала чемоданище разбирать, даже чехол не сняла. Хотя, нет, тогда бы раньше узнала, что мне здесь не место!

– Вета, я не это хотела сказать, – виновато шепчет Катька мне в спину, пока я пытаюсь справиться с заклинивший у чемодана выдвижной ручкой.

Вскидываю голову и смотрю на нее, в глазах злые слезы, но я быстро смаргиваю их.

– Но сказала это.

За дверью оказывается высокий загорелый бас-гитарист с пакетами из Ашана. На его лице легкая степень офигения, а я с трудом справляюсь с желанием проехаться увесистым чемоданом по его ноге.

– Котенок, ты не говорила, что у нас гости...

У нас?! Ну конечно!

– Привет, Толя, – через силу улыбаюсь я. – Я бывшая лучшая подруга Кати. Дуравета. И пока, Толя.

Не знаю, на что я надеюсь. Ну хотя бы на то, что Катя выбежит за мной, но она не выходит. Не выглядывает даже. Шагаю в кабину, которую видимо «подогнал» Толя, и приваливаюсь спиной к зеркалу, когда створки лифта закрываются.

Отрезая меня от Кати и от воспоминаний, в которых мы лучшие подруги – навсегда.

Если бы это был фильм, то сейчас бы пошел дождь, но на улице светит яркое солнце, поют птицы, а с детской площадки доносится залиvistый тонкий смех. От всего этого радушия настроение скатывается на самое дно. Я бы сказала, днище. И даже мысли о сладком цитрусовом рафе не поз-

воляет ему хоть немного подняться. Потому что плечо оттягивает рюкзак, а руки и спина болят от таскания чемодана. Чтобы успеть на рейс, я встала в четыре утра! Чтобы узнать, что нашей с Емцевой дружбе – конец!

Чтобы перестать злиться и не скатиться в саможалость, я устраиваюсь в ближайшей кофейне, заказываю самую большую порцию кофе и самый большой кусок торта и достаю телефон.

На нем куча пропущенных от мамы и отчима. И ни одного от Катьки. От этого еще больше хочется бросить в нее куском бисквита со сливками. В нее и в Толика! Звонков с неизвестных номеров не наблюдается, а значит, Никита перед нашей встречей тоже не звонил. Наверное, решил взять внезапностью. Ну в общем у него получилось, только своего решения я не собираюсь менять.

Кафе милое, в стиле домино, со статуэтками балерин и арлекинов и белоснежными абажурами на светильниках, но у меня даже не тянется рука к камере. А это значит, что в моем мире наступила абсолютная жопа. Я пью кофе, запихиваю в себя торт, вкуса которого даже не чувствую, и делаю то, что должна была сделать еще дома, желательно пару недель назад – ищу квартиру. Но сложность в том, что я рассчитывала найти собственное жилье постепенно, а не впопыхах. Вообще ненавижу делать что-то наскоком, работа в стрессовых ситуациях это не мое.

На самом деле я не хотела долго надоедать Катьке, месяц

максимум – чтобы подобрать именно то, что нужно мне. И точно не собиралась жить у нее бесплатно! Благодаря мне она могла бы обзавестись фотоконтентом для своего блога на полгода вперед. Или я бы могла заплатить ей, когда нашла бы первых моделей, или хотя бы взять на себя оплату коммуналки.

Телефон мягко вибрирует в ладонях, на этот раз звонок с неизвестного номера, и я принимаю вызов. Если это Ник, то я готова повторить свои слова, а если все-таки Емцева, то послать ее лесом. Потому что подруги так не поступают! Потому что...

– Елизавета? Меня зовут Татьяна. Я администратор школы Георгия Розза.

– Здравствуйте, – бормочу я, едва не выронив старенький «самсунг» из мигом вспотевших ладоней.

Как хорошо, что именно этот звонок я не пропустила!

– Хочу напомнить, что послезавтра начинаются занятия, и до их начала вам нужно внести оставшуюся за обучение сумму. Иначе мы не сможем гарантировать место на курсе.

– Да, конечно, – быстро-быстро киваю я, пусть даже моя собеседница меня не видит. – Прямо сейчас все переведу. Я буду. Точно.

– Тогда ждем вас в понедельник, – «улыбается» Татьяна. – Всего хорошего.

– И вам!

Стоит повесить трубку, как я тут же захожу в «Сбербанк

он-лайн» и зависаю, буравя взглядом цифры. Потому что оставшаяся сумма, которую нужно оплатить – внушительная. И это со скидкой! Сумма, над которой я горбатилась весь год. На нее я могу спокойно снять нормальную квартиру на ближайшие три-четыре месяца. Потом освоиться, устроиться на работу... И похоронить свои мечты. Потому что это единственный курс в Москве. Единственный курс, который будет вести сам Розз, и на который не так просто попасть.

Быстро оплачиваю курс, пока страх не перевесил, и прижимаю телефон к груди.

Вот, теперь квартира мне не светит. Как и возвращение домой. Придется искать койко-место в хостеле.

Зато я стала на шаг ближе к мечте.

Глава 2. Вета

Когда я лишь раздумывала о переезде в столицу, я прекрасно понимала, что Москва – дорогой город, но только оказавшись здесь, осознала, насколько. Начиная с продуктов и проезда и заканчивая жильем. Особенно им.

Я нашла неплохой хостел неподалеку от учебного центра, что-то вроде аналога студенческого общежития, но в первую ночь поняла, что надолго меня просто не хватит. Даже если привыкну к эффекту купе в поезде (двухэтажные кровати действительно ассоциировались у меня с поездами), когда приходится делить комнату со случайными попутчиками, на домашний уют рассчитывать не стоит. А значит, мне нужна квартира или хотя бы собственная комната, как это было бы у Катьки.

Все воскресенье вместо того, чтобы гулять, наслаждаться свободой и изучать город, я сначала сидела на сайтах, а потом бегала, как ужаленная в попу злой осой. Повезло, что Москва никогда не спит и на выходные не закрывается, поэтому можно было посмотреть подходящие варианты. Приличных из которых, к сожалению, оставалось не так много из-за высокого сезона. Конец августа, начало учебного года, а еще выставок...

В общем, позитивный момент у этой беготни все-таки

был: это позволяло не думать о подлянке Катьки, маминых звонках и встрече с Омельчиным. О последнем особенно, потому что столкновения с ним всегда заканчивались для меня не очень. Он был тем самым пресловутым знаком, черным котом, перебегающим дорогу и всякий раз переворачивающим мою жизнь. То есть при встрече с ним я сворачивала со своего пути и ломилась через кусты, только чтобы его обойти. Но не в этот раз.

В этот раз я никуда не сверну, и не уеду.

Потому что Ник в свое время не уехал. Не сдался. И насколько мне известно, он сейчас успешный и известный бизнесмен. То есть он достиг вершины, а я чем хуже?

С такими философскими мыслями я как-то даже не слишком расстроилась тому, что ничего не удалось найти, а может, просто слишком устала, чтобы грузиться. Странно, но на следующий вечер мне больше не хотелось позвонить Емцевой и рассказать все, что я думаю о ней и нашей дружбе, набрать маму и, размазывая по лицу сопли, извиняться. Да, даже себе стыдно признаться, что еще вчера я редела в подушку, потому что никогда не оставалась действительно одна, потерянная в огромном городе. Может поэтому сейчас казалось, что из меня высосали все чувства и эмоции, оставив лишь оболочку-автопилот с заданной программой.

Есть. Искать жилье. Спать. И не вспоминать встречу с Ником.

Ну вот зачем я о нем вспомнила?!

Несмотря на усталость полночи я ворочаюсь, думаю о том, как Омельчин прижимал меня к двери и к себе, и, если бы он опустил руки ниже, прикоснулся ко мне иначе, кожей к коже, я бы пошла за ним куда угодно. От этого злюсь на себя еще больше, а просыпаюсь только по будильнику.

Пишу сообщение маме, что у меня по-прежнему все замечательно (в конце концов, Омельчин считает, что я остановилась у Кати, и, наверняка, расскажет об этом отчиму), и отправляюсь получать знания, ради которых здесь оказалась.

Вчера я уже пробежала мимо учебного центра Розза. Казалось бы, он должен быть современным, но старинное здание из красного кирпича с большими вытянутыми окнами, массивной деревянной дверью и черепичной крышей будто отдает дань прошлому веку, его стилю и красоте. О настоящем напоминают камеры и автоматические поливалки небольших площадок коротко стриженного газона. А вот внутри все наоборот: в смысле, ультрасовременное и минималистичное. Я будто шагаю в другой мир! Изогнутые светильники крошечными кометами льются с потолков и отражаются в глянцевом полу большого и светлого холла. Стойка администратора выворачивается белоснежной лентой, и на самом ее краешке притаилась пузатая ваза со свежими розами. Белыми, с красным кантом и капельками влаги на лепестках.

Так как возле стойки зависли парень с девушкой, я бросаю на них осторожный взгляд, вытаскиваю камеру, и обой-

для вазу по кругу, делаю несколько кадров.

Я не помню, когда увлеклась фотографией. Может в то время, когда преподаватель в художественной школе заявил, что живописец из меня не выйдет, после чего я выбросила краски и детскую мечту стать художницей. Но прекрасные мгновения, которые хотелось заморозить и сохранить для себя и показать их другим, выбросить из головы не получилось. Поэтому с появлением у меня смартфона с самой простенькой камерой я стала ловцом эмоций и видов. Похитительницей времени, которое застывало в сделанных мною снимках.

Потом была простенькая мыльница «Кэнон», подарок отчима на четырнадцатилетие. Тогда я впервые задумалась, что мое увлечение перешагнуло рубеж от просто «сохранить воспоминание» до «ползти на животе по камням», чтобы сделать офигенный кадр бабочки, присевшей на ромашку. Та камера ни шла ни в какое сравнение с моей сегодняшней «Сони», пусть слегка и подержанной.

– Не терпится начать? – привлекает мое внимание девушка за стойкой. На ней светлая-голубая блузка, белая юбка и приятная улыбка. И я смущенно улыбаюсь в ответ.

– Очень! – признаюсь.

– Значит, вы прошли тест.

– Тест?

– Увидели красоту в обыденности и не смогли пройти мимо. Потом покажете, что получилось.

Я бы не сказала, что букет роз выглядит обыденно, но до меня доходит, что администратор вроде как пошутила.

– Как вас зовут?

– Елизавета Ефимова.

Да, у нас с Ником разные фамилии, мне моя досталась от отца. Вместе с кудрями, которые не берет ни один утюжок, и жадой к искусству. Насколько я знаю, он был пианистом. Это практически все, что я о нем знаю, потому что мама не любит поднимать эту тему.

Девушка забирает мои документы, проверяет, сканирует, а потом выдает бейдж с моим именем.

– Добро пожаловать в наш учебный центр!

Я выдыхаю с облегчением, потому что до последнего волновалась: вдруг не прошла оплата. Ну мало ли!

Администратор рассказывает, что я должна подняться на второй этаж, что бейдж работает как пропуск, и что желательно его не забывать. Особенно на выездные занятия, которых будет много. Я киваю, киваю и снова киваю. Все как во сне, в тумане. Мое сердце колотится как ненормальное, когда я следую инструкции и нахожу нужную аудиторию.

Она белая. Такая, что от этой белизны в первый миг хочется прикрыть глаза ладонью. Белые стены, потолки и полы. И огромные окна, сквозь которые льется яркий солнечный свет. Общий фон разбавляют лишь подушки шоколадного и карамельного цвета, на которых уже разместились первые студенты, и девушка в ярко-красном платье, сидящая на бар-

ном стуле. Я сразу узнаю мужчину рядом с ней, потому что сотню раз видела его на фотографиях. Невысокий, в очках и со стильной бородкой, и в не менее стильной одежде.

Георгий Розз. Основатель школы и один из самых востребованных в мире фэшн-фотографов. И он выбрал меня среди множества других желающих у него учиться. Меня и остальных присутствующих здесь. Да, всего двенадцать мест на курсе и мегажесткий конкурс.

Устраиваюсь на одной из подушек возле окна, на всякий случай выключаю телефон и рассматриваю остальных.

– Привет, – шепчу блондинке в джинсах через одну подушку от меня, но она бросает на меня скучающий взгляд и снова утыкается в свой смартфон, что-то быстро-быстро печатая.

М-да.

Другой парень с раскосыми глазами водит телефоном из стороны в сторону: судя по всему, снимает видео. Но замечая мой интерес, улыбается и подмигивает. Это немножечко приободряет. А вот появление «новеньких» вовсе «роняет» мою челюсть. Потому что я узнаю одного из парней. Это улыбку, спортивную фигуру, а еще скорпиона на предплечье забыть невозможно.

– Влад?!

– Вета?

Парень тоже меня замечает, направляется ко мне, переступая через места-подушки, и опускается рядом со мной.

– Откуда ты здесь?

– Хотел спросить тебя о том же.

– Я учусь на курсе Розза.

– Значит, будем учиться вместе.

Вау! А с этого момента хотелось бы поподробнее.

– Ты не говорил, что ты фотограф.

– Ты тоже.

– Да, ты прав. Наше знакомство продолжительным не назовешь.

– Надо срочно это исправить, – говорит он тише, склоняясь к самому моему уху. Наверное, потому что все студенты уже собрались, а Розз вышел в центр комнаты, но иметь общую тайну – это круто.

Впрочем, в следующую секунд я забываю о Владе, потому что на первый план выходит голос моего кумира.

– Всем привет. Меня зовут Георгий, можно просто Джордж. Так мне привычнее. Но, упаси боже, не Жора. Вот когда достигнете моей известности, тогда посмотрим.

У кого-то из парней вырывается нервный смешок, хотя по виду Розза вообще не понятно, пошутил он или нет.

– По этой же причине, – продолжает он, – меня не интересует, как зовут вас сейчас. Потому что пока в мире большой фотографии вы никто. Не буду бросаться банальщиной вроде того, что «забудьте все, что вы знали до этого». Это все хрень. Я столько работ конкурсантов пересмотрел, что хочу это развидеть. Но вы! – Он вытягивает палец и указы-

вает на всех и ни на кого. – Вы смогли выделиться своим стилем, вкусом и взглядом. Мне не нужны чистые листы, я хочу развить то прекрасное, что в вас есть. Отшлифовать и отпустить в свободное плавание. Поэтому на этом курсе не будет теории, чистая практика. И очень надеюсь, что вы меня не разочаруете.

От этой простой речи чешутся руки выхватить камеру и отправиться снимать все подряд. И кажется, не у меня одной. Розз будто чувствует, а вернее – знает это, потому что предлагает сегодня просто снимать. Снимать модель в красном за его спиной. Обработать фото к следующему занятию и показать ему. Показать себя во всей красе.

Два часа съемки проходят как-то слишком быстро, и на сегодня нас отпускают домой.

– Возможно, не все доберутся до конца курса, – бросает напоследок Розз, – но три счастливчика (естественно, ваше счастье зависит от вашей креативности, желания и упорства) отправятся со мной в Нью-Йорк.

Нью-Йорк?!

С его музеями и многочисленными выставочными залами. Таймс-сквер, Центральный парк, статуя Свободы. Огромный, многогранный и желанный. Для меня это звучит, как фантастика.

Студенты переглядываются между собой. Отлично, теперь мы еще и конкуренты. Но, кажется, сегодня я добавлю еще один пункт в свой блокнот.

Кто-то сразу убегает, но большая часть народа собирается посидеть в кофейне и обсудить сегодняшнее занятие, а заодно познакомиться поближе. К моему удивлению, к нам присоединяется та блондинка, ее зовут Кристина. Помимо нее в нашей компании двое Саш: один высокий и худой как столб, другой кругленький, с меня ростом и с бритой головой. Подмигивающий брюнет представляется Артемом, а скромняга в очках – Николаем.

Сразу понятно, что Артем (или просто Арт) – душа компании, поэтому он берется расшевелить всех и расспрашивает про то, как докатились до жизни такой и оказались в школе Розза. Сам про себя рассказывает, что вот уже год ведет канал на YouTube. Высокий Саша – потомственный фотограф, а бритоголовый относительно недавно после долгих поисков нашел свое призвание. Кристина говорит, что ведет свой блог в Инстаграм, ее фишка в автопортретах, а Николай – что ему просто повезло. Хотя я могла уже убедиться, что везение тут не при чем, и совсем новичков на этом курсе нет. Все знают, что делают и ради чего.

Когда наступает очередь Влада, послушать про него мне интересно вдвойне.

– Я с детства не умел заниматься тем, что не нравится, поэтому в школе был троечником.

Все смеются, и я не исключение. Мне достаточно сложно представить Влада троечником, и, думаю, не мне одной.

– Татуировки учителям тоже не нравились.

Снова смех.

– Тем не менее, я уже в девятом классе решил, что хочу заниматься именно этим. Камеру купил для портфолио. Потом прошел короткий курс в Сети, и понеслась.

Я тоже рассказываю о себе, и по глазам собравшихся вижу, что слушают не из вежливости: им действительно интересно. И это офигенно. Оказаться среди людей, которые тебя понимают и принимают – офигенно. Настолько, что у меня кружится голова от счастья и эйфории. Только один раз мне становится неловко.

– Как получилось, что вы знакомы? – спрашивает Кристина, указывая на нас с Владом, а смотрит мне в глаза. – Ведь Розз не выбирал студентов по дружбе.

– Мы встретились в аэропорту, – пожимаю я плечами. У меня ощущение, что она намекает, будто я получила это место незаслуженно. – Такая вот случайность.

– Это судьба! – восклицает Артем.

Вот тут мне становится еще более неловко.

К моему облегчению никто больше не поднимает эту тему, мы обсуждаем работу Джорджа, камеры, современную фотографию, площадки для фотографов и еще много всего. Пару часов пролетает быстрее, чем учебная съемка: вжух и пора расставаться.

– Мы все-таки встретились на кофе, – говорю я Владу, когда приносят счет и народ по очереди расплачивается через терминал.

– Ну нет, – улыбается он, отчего я не сдерживаюсь и тоже улыбаюсь. – Этот раз не считается. Я рассчитывал, что будем только ты и я.

– Значит, все в силе.

– Естественно. А то вдруг Арт прав, и это действительно судьба. Я не могу тебя так просто отпустить.

– Звучит многообещающе, – усмехаюсь и достаю карточку, чтобы заплатить за свой латте и сэндвич.

– Давай оплачу я, – предлагает Влад.

– Ну нет, – дразню его. – В следующий раз, когда будем только ты и я.

Мне нравится наш флирт, и я с удовольствием пойду на свидание с ним. Но мы не пара и с компанией, поэтому сегодня я собираюсь заплатить за себя сама.

– Ошибка, – озвучивает официант, после того, как прикладываю карту к терминалу.

И демонстрирует чек, где написано, что платеж не прошел.

Мы повторяем процедуру, но результат тот же.

– Ничего не понимаю, – бормочу я.

Черт! Со мной такое впервые, и я теряюсь: сижу и хлопаю глазами. Еще и привлекаю общее внимание.

– Может, чип на карте полетел? – предполагает Николай.

– Утром все работало, – оправдываюсь я, убеждая себя не паниковать раньше времени.

– Может, средств недостаточно, – ухмыляется Кристина,

и мне хочется бросить в нее чашкой. Чего она ко мне прицепилась?

– Достаточно, – холодно отвечаю я и торможу кошелек на мотив завалавшейся налички. Но у меня всего шестьдесят три рубля.

Выручает мне Влад:

– Вета, все нормально. Я заплачу, – он протягивает свою карту.

– Но...

– Если для тебя это критично, в следующий раз угостишь кофе меня.

– Хорошо, – соглашаюсь я, хотя хорошее настроение уже не вернуть.

Впрочем, новые друзья не собираются оставлять меня в беде.

– Советую попробовать оплатить картой где-то еще, – говорит высокий Саша. – У меня как-то был такой сбой, хотел поесть вредной еды в Маке и ушел ни с чем, потому что их система отказывалась принимать мои деньги.

– Твое здоровье сказало тебе спасибо! – смеется Артем.

– И обратиться в ближайшее отделение банка, – перебивает их Влад. – Они точно разберутся.

– Спасибо, – искренне благодарю всех.

– Извини, что не могу остаться, – говорит Влад, когда остальные расходятся. Разве что Кристина его ждет, им вроде как по пути. – Работа.

– Все нормально. Сама справлюсь.

– До завтра?

– До завтра.

Несусь пару кварталов в отделение банка и по пути стараюсь себя не накручивать. Потому что на этой карте все мои деньги, и без нее мне придется туго. От слова совсем. Пока жду своей очереди, уговариваю себя, что все будет хорошо, а вот интуиция пожарной сиреной воеет, что не будет.

– Карта заблокирована владельцем, – меланхоличным голосом сообщает мне сотрудница банка, когда я сбивчиво объясняю ей свою проблему. А у меня внутри холодеет, как будто я глотнула целиком шарик мороженого, и он прокатился по пищеводу, обещая заморозить меня всю.

Потому что я понимаю.

И потому что не верю, что она может так со мной поступить.

– Этого не может быть! Я – владелец.

– Елена Дмитриевна Омельчина – это вы?

– Нет, это моя мама, – объясняю сбивчиво. – У меня не именная карта, самая обычная. Ее действительно оформляла мама, и совсем скоро должен был закончиться срок действия. И я хотела оформить уже на себя. Деньги на счету – мои.

Сотрудница на том краю стола смотрит на меня строго. Ну да, это вроде как не по правилам.

– Вам нужно было переоформить карту на себя до того,

как владелец ее заблокирует. Приходите с мамой, и все сделаем.

– Мама живет не в Москве. Я могу разблокировать карту сейчас? Без ее присутствия?

– К сожалению, нет, – она непреклонна. – Если ваша мать не может прийти в отделение банка, то вам понадобится ее подпись, заверенная нотариусом.

Хочется побиться головой о стол, но вряд ли это мне поможет.

Надежда умирает последней? По-моему, сейчас она сдохла в диких корчах.

Моя любимая и любящая родительница только что лишила меня всех денег!

Она хотела разговора – она его получит.

– Это подло! – шиплю я, как только мама берет трубку. – Как ты могла так со мной поступить?

– И тебе привет, дочка, – отвечает она сухо. – Ну хоть отсутствие денег заставило тебя вспомнить о матери.

Выдыхаю, хотя кажется еще немного, и начну дышать огнем.

– Это мои деньги! Я их сама заработала.

Правда до последнего слова. Я год копила эту сумму: подрабатывала на стрит фотосессиях в будни после универа, а выходные проводила на свадьбах и юбилеях.

– Никто не спорит, – соглашается мама, – но что будешь делать, когда они закончатся? Когда тебе не на что будет да-

же обратный билет купить?

– То есть ты решила ускорить процесс, чтобы я прочувствовала всю горечь судьбы бомжа в Первопрестольной?

Во мне все говорит от осознания несправедливости. От второго предательства за третий день. Сначала Катька, теперь вот мама. Чем я такое заслужила?

– Нет, что ты, – заверяет мама, – я вообще не хочу, чтобы ты в чем-то нуждалась. Ты же еще глупый ребенок, Веточка. Считаешь, что со всем справишься, что тебе нужно все и сразу. Но так не бывает. Нужно сначала нормальное образование получить. И вообще, чем тебе не нравится Тольятти? Хороший город. И люди хорошие...

Ага. Наша песня хороша.

Отдаляю телефон от уха, чтобы не слышать эту «мелодию». А главное, каждый раз одно и то же. Я должна жить в Тольятти, стать провизором, выйти замуж за того, кого одобрит отчим, а потом нарожать им с мамой кучу внуков. О моем счастье и моем выборе даже речи не идет. Я ведь пыталась нормально поговорить, объяснить – все без толку. Мама уверена: ей лучше знать, что мне нужно.

И ведь, скорее всего, именно отчим надоумил ее заморозить мой счет, это больше на него похоже!

– Разблокируй мою карту, – не выдержав, перебиваю я ее. – Если ты меня любишь, то не станешь мешать.

Мама оскорбленно ахает.

– Дожили! Мой ребенок меня же любовью шантажирует.

– Я тебя не шантажирую, – закатываю глаза, и к счастью, она этого не видит. – Просто говорю, что на этот раз ты перегнула палку. Потому что на этом счету абсолютно все мои деньги, и теперь мне остается лишь ночевать под мостом в коробке из-под холодильника. Никто бесплатно в Тольятти меня не повезет.

– Повезет, – искренне радуется мама. – Тебе всего лишь нужно позвонить Никите.

Я сжимаю зубы и мысленно ругаюсь.

Снова Омельчин.

Интересно, чем они его взяли, если он решил напрячься и снизойти до общения со мной?

– Мы с ним уже разговаривали, – сообщаю, – и я более чем уверена, что Никита передумал куда-то меня везти.

– Ошибаешься. Он выразил огромное желание тебе помочь.

Вам помочь. Не мне.

Потому что ради меня он и мизинцем не пошевелит. У нас с ним явно неконтакт. Или же...

В сознании что-то щелкает, будто из кубиков вдруг складывается не слово из четырех букв, преследующее меня, а совсем другое – «выход».

– Хорошо. Скинь номер Ника, – совершенно спокойно прошу я, хотя меня просто распирает от пришедшей в голову идеи. – Я с ним поговорю.

– Конечно, доченька. – Голос у мамы вдруг делается ви-

новатым. — Ты же понимаешь, что я все это ради тебя делаю. Когда вернешься домой, сразу восстановим карту. Я у тебя копейки не возьму.

Мне от этого не легче, потому что я не собираюсь возвращаться. И я ей говорила об этом сотни раз. Ну что делать, если мама сама отказывается меня слышать? Возвращаться не собираюсь, а вот Никите позвоню. Обязательно позвоню. Нас ждет содержательный разговор.

Пока мама с отчимом празднуют победу (уверена, что празднуют!), сижу за столиком на фудкорте в торговом центре и жду Омельчина. Если честно только благодаря бешеному количеству адреналина в крови, я позвонила ему сразу после разговора с мамой, и так же неожиданно сводный брат ответил. Думала, что меня ждет как минимум пару часов игнора, ведь он вроде как большой и занятой начальник. Но он ответил сразу и согласился на новую встречу, даже импровизировать и убалтывать не пришлось. Правда, голос у него был такой, будто у него изжога после несвежего бизнес-ланча.

Впрочем, игнор в два часа меня все-таки ждал, пока я ждала Ника в ТЦ. Когда адреналин схлынул, меня начало здорово потряхивать. Это когда злость была катализатором, я могла горы свернуть и даже до президента дозвониться, а сейчас чувствовала себя до невозможности глупо.

Ну и чего я позвонила именно Нику? Можно было на-

писать Емцевой... Но, во-первых, меня корежило от самой мысли, что придется первой с ней помириться, а во-вторых, эта мысль пришла уже после уговора о встрече.

Не знаю, почему он согласился. Мы с ним не друзья, и никогда не были. И даже не семья. Но он согласился. А значит, у меня есть шанс переиграть собственную сумасшедшую семейку с их придурочными методами. Это же надо додуматься!

Хотя я тоже хороша, ведь могла предугадать, что они начнут вставлять мне палки в колеса... Нет, на самом деле не могла. Если я еще могла как-то понять Катку, то маму – не могла. Пусть даже она всегда страдала гиперопекой и считала меня несамостоятельной. Мама завела на себя мои карточки, когда я училась в школе, и они с отчимом начисляли мне деньги на карманные расходы. Тогда я не особо парилась, потому что это были их деньги.

Но сейчас они были моими! И я представить не могла, что кто-то их заберет. Просто тупо оставит меня без возможности даже купить кофе.

А во всем виноват Ник!

Косвенно.

Потому что не живи братец в Москве, фиг бы моя мамуля рискнула оставить меня без средств к существованию.

А вот и он!

Ник Омельчин шагает по фудкорту прямо в мою сторону как ледокол по Северному Ледовитому океану. Не заме-

чая впавших в ступор и приоткрывших рты девчонок, а еще блондинку, настолько залипшую на его задницу и едва не поставившую свой поднос мимо стола. Он смотрит на меня и только на меня. Мне бы чувствовать гордость, но взгляд у него не сказать, что добрый.

Он выверенным движением расстегивает пуговицу на пиджаке, жестом, который наверняка, разбивает пару женских сердец, и располагается напротив меня.

– Я бы на твоём месте сначала проверила, нет ли на стуле хлебных крошек. Ну мало ли...

– Что я сказал тебе в прошлый раз?

Я прекрасно помню про его «не рассчитывай», но трактую по-своему:

– Что бегать за мной не будешь? Так ты вроде как не бегаешь, я сама к тебе пришла.

У меня было время подготовиться. Целые два часа на раздумья! Но сейчас я думаю, что все мои гипотетические разговоры с Ником не идут ни в какое сравнение с настоящим. Потому что мое собственное сердце колотится как безумное, а нервные клетки гибнут смертью храбрых.

– Я хочу извиниться за то, что была резка...

– Принято.

Так просто?

– И попросить о маленькой просьбе...

– Я отправлю тебя домой, – снова перебивает меня Омелчин.

Он мне хоть слово даст сказать?! Не зря же я столько репетировала!

– Я не хочу домой, – говорю я и нарываюсь на острый прищур его глаз. – И не могу уехать.

– Тогда зачем ты мне позвонила, Елизавета?

– Потому что у меня есть к тебе предложение, – вижу, что он готов подняться и уйти, поэтому поспешно уточняю: – Деловое. От которого ты не сможешь отказаться!

Теперь во взгляде Ника вспыхивает интерес: всего лишь искорка, но этого хватает, чтобы я почувствовала себя увереннее.

– Так уверена, что не смогу?

– Меня взяли в школу Георгия Розза, это один из топовых мировых фотографов, и когда получу диплом, у меня тоже будет имя, – говорю, подавшись вперед. – Оно будет обязательно, потому что меня выбрали из нескольких тысяч участников, отправивших свои работы на конкурс. Это такой шанс, и я не могла ждать год или два...

– К сути, – снова перебивает меня Омельчин. Вид у него такой, будто в покер играет – не поймешь, что думает. Ну о'кей.

– Мама и отчим считают, что это все глупости, и что фотография – это для побаловаться. Я все спланировала, сама заработала деньги, сама переехала в Москву и оплатила курс, но они... Заблокировали мою карту.

– Что?

Теперь Ник сдвигает брови. Черт, не люблю этот его взгляд, чувствую себя, будто у меня на лбу красная точка от прицела снайперской винтовки. А еще ощущаю себя глупее некуда, когда быстро объясняю эту тупую ситуацию с банком, и злюсь. Если честно, жду, что он станет надо мной смеяться, но Омельчин не смеется и даже не улыбается.

– В общем, теперь мне нечем платить за место в хостеле, – подвожу итог своего рассказа.

– Ты же живешь у подруги.

– Э-м-м... Нет. Мы вроде как поссорились.

– Уже?

Он издевается?!

– Да, я планировала жить у Кати, пока не найду свою квартиру. И я собираюсь работать, у меня уже есть несколько клиентов на съемку...

– Что насчет делового предложения?

– Вложи в меня деньги! – предлагаю я, возможно, чуть громче, чем собиралась. Когда до меня доходит, что пара за соседним столиком странно на меня косится, мысленно ругаю себя, но сдаваться не собираюсь. – В смысле, не в меня, а в мое дело. Как в бизнес-проект. С процентами. Через, допустим, полгода я все тебе выплачу.

На этот раз сияю улыбкой, а Ник откидывается на спинку стула и вроде как раздумывает. И изучает мое лицо, сцепленные пальцы на столе, которые я тут же резко убираю на колени.

– То есть ты хочешь одолжить у меня деньги? – уточняет Омельчин.

– Не просто одолжить. Это вроде как инвестиция в будущее. Ты получишь даже больше.

– Я понял, инвестиция. Какая сумма тебе нужна?

Я называю. Потому что пока ждала два часа, все просчитала.

– А если твой проект провалится? Чем будешь расплачиваться?

– Натурой, – вырывается у меня. От нервов, ей-богу.

Брови Никиты взлетают вверх, а взгляд соскальзывает вниз, аккуратно в вырез желтого топа на тонких бретелях. Я выбрала его сегодня, потому что он хорошо смотрится с темным жакетом. И подчеркивает то, что можно подчеркнуть, а главное у меня есть что подчеркивать.

Но я же не имела в виду это!

– Натурой? – переспрашивает братец, подавшись вперед. – И многим ты уже предлагала?

Сейчас мое лицо, наверное, цветом, как вывеска пиццерии напротив. Причем не знаю от чего больше: от стыда или от желания стукнуть Омельчина подносом. Хорошо, что никаких подносов нет под рукой.

Поэтому я запахиваю жакет так, что рискую удушиться, и шиплю:

– Я про почку! И если что, это была шутка.

– Жаль, – тянет он, – мне своих двух хватает. Так что по-

думаю над другими гарантиями.

Желание опустить на голову Ника поднос практически нестерпимо, но я понимаю, что это как минимум не дипломатично.

– Я могу тебе отдать свою камеру, она, конечно, подержанная и стоит дешевле, чем я прошу...

Грустно, потому что моя «Сони» – самая дорогая вещь, которая у меня есть. Я даже украшений не ношу. Но самое поганое то, что приходится упрашивать Омельчина, оказавшись перед ним в роли бедной родственницы.

Чтобы маме с отчимом с их методами икалось три дня!

– Мне не нужна твоя камера, Елизавета, и я не стану одалживать тебе денег. Это невыгодно и того не стоит.

Ну вот, он это сказал.

На что я рассчитывала? Что Ник примет мое предложение. Он бы не стал тем, кем стал, если бы раздавал всем деньги. Но я хватаюсь за почти ускользнувшую от меня надежду, точнее – за сильную и теплую ладонь Омельчина, и тяну на себя.

– Послушай, Ник, ты же был на моем месте, – говорю сбивчиво, стараясь успеть все сказать. – Один в большом городе. Ты отказался от того пути, который для тебя выбрал отец, и выбрал свой. И всего-всего добился. Я не поверю, что тебе никто не помогал.

Он сжимает губы в тонкую линию, и я исправляюсь:

– Никто? Тогда ты молодец вдвойне. У меня тоже есть

мечта. Есть список того, что хочется сделать в этой жизни. Жить по-своему. Вот чего я хочу.

– Я не дам тебе денег, – повторяет Омельчин. – Видишь ли, у меня есть принципы.

Весь мой запал сдувается, как проткнутый булавкой воздушный шарик. А пальцы почти соскальзывают с его руки. Почти, потому что Ник вдруг перехватывает мою ладонь и ловит мой взгляд.

– Но в качестве альтернативы предлагаю переехать ко мне. Переехать?!

– В смысле, к тебе? – моргаю.

– Я предлагаю тебе поселиться в моей квартире, – он повторяет почти по слогам. – Мог бы снять для тебя другую, но в этом случае все равно бы получалось, что деньги я тебе одолжил.

Жить с Омельчиным?

– И чем мне расплачиваться за проживание? Я так понимаю, не почкой.

– Ты сама предложила свою натуру. Меня она очень даже устраивает.

Ник серьезен: во взгляде равнодушие, на губах ни намек на улыбку. И до меня окончательно доходит.

– Да пошел ты! – цежу я, поднимаюсь и гордо ухожу.

Очень гордо. Прямо с наслаждением.

По пути мой мозг сигналиит, что деньги мне по-прежнему нужны, но в принципе соглашается, что не таким путем. Я

все-таки фотограф, а не девочка по вызову. И даже бешеная сексуальность Ника Омельчина не способна победить личные принципы.

Нет!

Нет, ну теоретически я могла бы... Но не за деньги, а просто. Потому что игнорировать тот факт, что мой сводный братец – мечта любой женщины от восемнадцати до семидесяти, очень глупо. А еще это бы точно взбесило мать и отца. Особенно, если потом рассказать им, что они сами виноваты – толкнули меня на скользкую дорожку.

Но о чем я вообще думаю?! Мне еще мое сердце и другие органы дороги. Почка в том числе. Которую наверняка придется продать, если я хочу остаться в Москве!

Черт-черт-черт!

Разворачиваюсь и быстро возвращаюсь. К счастью, Омельчин никуда не ушел, сидит и постукивает пальцами по столешнице. У него красивые пальцы, длинные и с аккуратными короткими ногтями, а «Омега» на запястье сообщает, что он на меня и так потратил много времени.

– Нужно было срочно отойти в дамскую комнату, – озвучиваю я первую пришедшую в голову отмазку, возвращаясь на свой стул. Его скептический взгляд словно говорит, что «Да пошел ты» ничем не напоминает слова «Я ненадолго». – Ладно. Я не стану ни с кем спать за деньги. Дело не в тебе. У меня тоже есть принципы.

Он смотрит на меня невыносимо долго, а потом начинает

ржать. Так откровенно, что совершенно не вяжется с его образом, но девицам за соседним столиком, это явно кажется сексуальным. Они чуть ли не выложили себя на него полностью, чтобы продемонстрировать свои декольте. На столик, в смысле.

Правда, в эту минуту до меня доходит, что он прикалывался, и меня снова подбрасывает вверх.

– Сядь, – говорит Омельчин. Наверное, тем самым тоном, которым командует своими подчиненными. – Если ты действительно хочешь продолжать обучение, переедешь ко мне.

Глава 3. Ник

Я привык быстро анализировать любую ситуацию и так же быстро принимать решение. Отказываться или соглашаться. Видеть выгоду и подсчитывать риски. Вся моя жизнь построена на законах бизнеса, этому меня научило собственное дело, иначе бы в свой тридцатник я не был тем, кем есть. А в настоящем бизнесе нет месту жалости, семейным узам или бездумной, расточительной благотворительности.

Ситуация с Елизаветой была изначально спорной. Хотя бы потому, что мы даже не родственники: когда новая семья появилась в жизни отца, я уже жил самостоятельно. Да даже если бы и были, я честно признался в своих принципах, которые не собирался нарушать. Наверное, попроси сводная сестренка деньги или дави на жалость, я бы просто встал и ушел. Но она сделала мне деловое предложение. Девчонка попыталась переиграть меня на моем же поле.

Это забавляло и интриговало. Поэтому я остался, дослушал до конца. Но все равно собирался уйти. Потому что одно дело отвезти ее с вещами в аэропорт, другое – носиться с ней в Москве. Я и так уйму времени потратил, перенес пару встреч, и ради чего? Точнее, кого.

Ради рыжей бестии с взрывным характером.

Когда отец сказал, что боится, что у любимой «Лизонь-

ки» могут возникнуть проблемы, я решил, что он, как всегда, утрирует. Мой папаша помешан на контроле всех и вся, и заботится о родных как умеет. Правда, мнение родных его мало интересует. Так что желание девчонки сбежать из дома отчима я хорошо понимал.

Но Елизавета, или как она сама себя называет Вета, оказалась вовсе не гадким пухлым утенком, каким я ее запомнил. Она превратилась в тигрицу: яркую, красивую и сексуальную. С таким острым, как у нее, языком, девчонка – сплошная ходячая проблема, так что как скоро она найдет приключения на свою задницу – вопрос времени.

Какое мне до этого дело?

Никакого.

Я ей не брат.

Не опекун.

Никто.

Но когда она ухватила за мою руку, я почему-то не ушел.

Актерскими талантами меня сложно удивить (пытались, и не раз), а вот искренностью – вполне. Вета была искренней. И по-настоящему увлеченной. Последний раз я видел подобный взгляд лишь в зеркале, когда открывал свой первый зал. Тот проект удачным не назовешь, но он помог мне идти дальше. Я вдруг понял, что своим решением либо прекрою девчонке кислород, либо помогу подняться на ступеньку повыше.

Рыжая все еще хмурится, явно обиделась на мой смех.

Она вообще забавная, когда злится, поэтому я не мог сдержаться и не подразнить ее, а заодно проучить за такие предложения. Потому что другой на моем месте вряд ли бы отказался, и при мысли об этом становится вообще не до смеха.

– Ты можешь переехать ко мне просто так, – говорю я, чтобы закрыть эту тему.

Для нее. И для себя.

– Просто так?

– Просто. На один месяц.

– На три, – поправляет девчонка. – Курс длится три месяца.

– На полтора максимум, рыжая. Не наглей.

Она вдруг улыбается – солнечно, закусывает губу, а взгляд такой шальной, будто только что выиграла в лотерею. Этого хватает, чтобы вспомнить, как удерживал Вету на лестничной площадке. Как она ерзала и крутила задницей, я тогда отпрянул, чтобы девчонка не почувствовала, что у меня встал. Вот и сейчас меня накрывает – остро, огненно, крышесносно: желание попробовать на вкус ее губы становится настолько непреодолимым, что хочется забыть о том, кем она мне приходится.

Да, заработался ты Ник. Лучше бы затрахался.

– Пойдем, – говорю я, чтобы избавиться от наваждения. – Отвезем твои вещи. Заодно расскажу о правилах в моем доме.

– Какие еще правила? – морщит нос Вета.

– Правило первое, – говорю я, убедившись, что рыжая щелкнула ремнем безопасности, – никого в дом не водить. Железное. Никаких подружек или парней. Сразу отправлю домой.

– Хорошо, – соглашается Вета. – Буду встречаться с ними на стороне.

– Ты точно учиться приехала? – сам не понимаю, с чего это мысль о гипотетическом парне вызывает у меня совсем не гипотетическое желание спустить его с лестницы.

– А что, учеба исключает личную жизнь?

– Правило второе, – продолжаю, – возвращаться до двенадцати.

– До двенадцати?! Я что, Золушка какая-то?

– Самая натуральная, и пока я твой принц, будешь делать то, что скажу я, – до меня доходит, что я только что брякнул, когда пухлые губы растягиваются в улыбке.

– Ты не принц. Следуя логике сказки, ты Фей.

Ага. Нафеечу, отколдую, ткну палкой. К счастью, у меня хватает ума удержать последнее в себе (особенно на тему палки) и ограничиться:

– Будешь оспаривать мои слова, снижу планку до одиннадцати.

Вета тут же примирительно поднимает ладони.

– Как скажешь, Фей. Что-то еще?

– Правило третье – каждый убирает за собой сам. Я люблю чистоту.

Правила простые, но я кошусь на девчонку, вдруг возьмет и передумает. Но она только вздергивает подбородок, принимая вызов. Потом вообще забывает обо всем, когда мы, забрав ее вещи, подъезжаем к Москва-сити. Небоскребы производят впечатление, особенно когда впервые видишь их так близко. Сейчас сводная сестра с детским восторгом рассматривает пытающуюся дотянуться до неба махину. И фойе, и лифт.

Но при этом старательно пытается скрыть свой восторг.

– Ты не сказал, что живешь на шестидесятом этаже.

– Формально я живу еще и на шестьдесят первом. Боишься высоты, сестренка?

– Нет, – мотает она головой. Просто не думала, что у тебя такая квартира.

– То ли еще будет.

На самом деле, интересно посмотреть, как Вета будет исследовать новое жилье, но отменять ради нее еще одну встречу я не собираюсь. Поэтому вталкиваю ее чемодан в квартиру и хлопаю девушку по плечу.

– Располагайся. И помни о правилах.

– А ты куда?

– Работать. Возьми мои ключи, у меня есть запасные.

– Стоять! – командует сестренка. – На экскурсии не настаиваю, но где я буду спать?

– В бильярдной.

– В бильярдной? – офигевает рыжая.

– Или в гостиной. У меня только два дивана, – отвечаю.
И, пока Вета в ступоре, хлопаю дверью.

Все мысли о рыжей прочь. Встречу с Аленой и Максом пропускать нельзя. Тем более, что от них зависит то, над чем я работаю последние полгода. Фитнес-центр в Индонезии.

Но, как назло, выкинуть сводную сестренку из головы не получается. Мне бы сосредоточиться на разговоре с деловыми партнерами, а я все время мысленно возвращаюсь к Елизавете. Не перегнул ли палку? Девчонка действительно осталась одна в большом городе, пусть даже в обнимку с мечтой. Мигом представляется плачущая в одну из дизайнерский декоративных подушек Вета. С убитым взглядом, дрожащими губами и тяжело вздымающейся грудью.

Ей вообще есть на что есть?

Пишу сообщение:

«Содержимое холодильника полностью в твоём распоряжении».

«Спасибо! Я уже», – получаю в ответ.

Картинка с грустной Ветой рассыпается и сменяется на картинку с восседающей на диване рыжей, уплетающей многоэтажные сэндвичи и разбрасывающей повсюду хлебные крошки.

Идиот! Думал, она гордо будет морить себя голодом? Омельчин, ты же не бездомного котенка подобрал, Вета – самостоятельная девочка, и судя по тому, что ты увидел, абсолютно без комплексов. Она получила, что хотела, твоя за-

бота и сочувствие ей до лампочки.

Мозгами я это понимаю, но все равно берет злость.

«Потом расплатишься», – набираю следующее сообщение.

«Жмот!»

Все.

На этот раз я по-настоящему включаюсь в дела и правда забываю обо всем, кроме будущего контракта. Настолько забываю, что возвращаясь к себе, на пару секунду зависаю в дверях, потому что в меня ударяет осознание, что теперь я живу не один. Сильно так прикладывает, будто мешком по голове.

Кухня как комната в моей квартире не предусмотрена, она скорее часть гостиной и расположена аккуратно напротив входа. И сейчас за столом на высоком барном стуле, ко мне спиной сидит Елизавета. Волосы собраны в высокий хвост, растянута, явно домашняя футболка сбилась в сторону, оголив немного загорелое в веснушках плечо и тонкую шею, хлопок стекает по телу, прикрывая ягодицы... И больше ничего! У девчонки красивые бедра, изящные икры и миниатюрные босые ступни. К этим ступням мой взгляд и прилипает.

Вета меня не слышит и не замечает, потому что ее уши прикрывают массивные наушники, а сама она слишком сосредоточена на фотографии, раскрытой на весь небольшой экран ноутбука.

Вот это и есть мешок, который по голове. Не ноутбук и

наушники, естественно, а сама девушка. Такая мягкая и домашняя – даже не скажешь, что тигренок, который при жевании показывает зубы и выпускает когти. Кошечка.

Но какого она в таком виде, будто истосковавшаяся по ласке женушка?

Еще бы рубашку мою надела для полного соответствия!

Я тоже хорош! Завис на пороге собственной квартиры. Она моя проблема, к которой нельзя подойти сзади, провести ладонями по широко разведенным бедрам, скользнуть пальцами под футболку и узнать есть ли на ней нижнее белье. А еще прижаться губами к затылку, провести языком по плечу, почувствовать ее на вкус...

Твою мать!

Чувствую, что кровь прилила к месту ниже пояса, ругаюсь вслух и со всей дури хлопаю дверью. От этого звука даже Вета подпрыгивает, оборачивается, а потом крутанувшись на стуле и стянув наушники, упрекает:

– Ты меня напугал.

На ней шортики, Ник. Такие маленькие, соблазнительные, почти ничего не прикрывающие шортики. А сверху все не так однозначно, потому что бретелек бюстгалтера из-под футболки не видно.

– Привыкай, – отвечаю я, потому что нужно что-то ответить.

Собираюсь пройти мимо. Потому что мне здесь делать нечего, развлекать Вету не входит в мои обязанности. Но

девчонка соскальзывает с барного стула и с улыбкой кивает на кухню.

– Я не знала, во сколько ты возвращаешься домой, поэтому уже поужинала. На тебя тоже приготовила. Могу погреть.

Только сейчас обращаю внимание на почти выветрившийся запах тушеного мяса и жареного лука, и стараюсь сразу все прояснить:

– Эй, Лизавета! Мы не семья, я тебя просто приютил.

– Это же обычная благодарность, – поясняет рыжая, и ее улыбка гаснет.

– Лучшей твоей благодарностью будет незаметность.

Вета вспыхивает и почти что не рычит:

– Это, знаешь ли, сложно сделать в квартире без комнат! Я же не невидимка.

О да, это досадное упущение! Особенно, когда ее домашний костюм состоит из того, из чего состоит.

– По крайней мере, не лезь ко мне и води себя тихо.

Девчонка снова открывает рот, но я не позволяю ей спорить:

– Больше никаких благодарностей.

Она холодно кивает и отворачивается, а я поднимаюсь на второй этаж и разрываюсь между уверенностью, что все сделал правильно и горьким послевкусием, потому что намеренно задел рыжую. Все-таки не в моих правилах хамить женщинам. Как и впускать в свой дом сексуальных кошечек на ПМЖ. В последний раз это не слишком хорошо закончи-

лось.

Но Вета даже не моя пассия, она – сводная сестра.

Поэтому чем меньше мы будем пересекаться, тем лучше. Чем нейтральнее у нас будут отношения, тем круче.

Дистанция, Ник. Держи дистанцию и не думай про шортики.

Глава 4. Вета

Теперь я живу в пентхаусе.
Нет, не так. В ПЕНТХАУСЕ.

У меня даже пункта такого в блокноте желаний нет. Нырнуть с аквалангом и покататься на американских горках есть, а вот пожить месяц в квартире на последнем этаже небоскреба – нет. Да еще в такой роскошной! Я раньше подобные только в фильмах и на фото в Интернете видела: гостиная с высоченными потолками, мягким диваном и креслами, ультрасовременная кухня на первом этаже, спальня, бильярдная, тренажерный зал, гардеробная и ванная – на втором. Все дизайнерское, но жилое. Хотя хозяин квартиры, как и говорил, помешан на чистоте, потому что мне не встретились забытые грязные носки или немытая посуда в раковине.

Да уж, иногда реальность даже интересней грез. Вчера мне некуда было пойти, а сегодня я уже просыпаюсь на том уровне неба, где живут облака. Поднимаю жалюзи и могу рассмотреть касающийся самого горизонта мегаполис, который в отличие от меня никогда не спит. Стекло, металл, ленты дорог с многочисленным автотранспортом, выглядящими отсюда деталями конструктора «Лего».

Я встаю на самые носочки и потягиваюсь.
Это удивительно.

Это восхитительно.

Это крышесносно!

В общем, в этой бочке чистого янтарного меда просто обязана быть ложка чернящего горького дегтя. И имя дегтю — Ник Омельчин.

Когда Никита предложил мне переехать к нему, мой мыслительный процесс просто дал сбой. Возможно, поэтому я так быстро согласилась. Нет, наверное, дай Омельчин мне пару часов на размышления, ответ остался тем же (все-таки выбирать не приходилось), но возможности узнать это у меня теперь точно нет. Так что с одной стороны на одну большую проблему меньше, а с другой...

Гуляя по квартире Ника я осознала, что дегтя вовсе не одна ложка, и даже не две.

Ну во-первых, в пентхаусе не было разделения на комнаты, единственными отдельными были гардеробная и ванная. То есть они, конечно, делились на зоны, но весьма условно. Например, между тренажерным залом, спальней Омельчина и гостиной только стеклянная перегородка, а вот для того, чтобы попасть в душ, мне нужно пройти либо через эту спальню, либо через гардеробку. Радует, что в квартире два туалета. Видимо, дизайнер всего это трэша в определенный момент вспомнил, что создает жилье для людей, а не для роботов, и воткнул второй санузел на первый этаж.

Во-вторых, это была квартира для одного. Или же для двоих, спящих в одной кровати. Потому что никаких гостевых

комнат здесь не наблюдалось и в помине. Когда Омельчин сказал про бильярдную, я решила, что он так шутит. Я на это очень надеялась! Но во мне все цензурные слова закончились, когда оказалось, что нет, не шутит. Совсем не шутит.

Из хорошего: в бильярдной был достаточно широкий диван, а еще большое панорамное окно, из которого открывался прекрасный вид на Москву. Из не очень хорошего – здесь даже стеклянной перегородки не было, только штора из плотной ткани, отделяющая мое новое жилье от других «комнат». Отчего я на секунду почувствовала себя хомячком, которому выделили место в «живом уголке».

Сжала кулаки, ругнулась нецензурным словом и решила... точно никуда не стану уходить, даже если Омельчин опомнится, передумает или сообщит, что все это шутка. Вот сам напросился! Пусть теперь меня терпит.

Ха!

Я его не пытала и не заставляла делать такие предложения. Если решил получить развлечение за мой счет, то не на ту попал.

Правила я, конечно, стану соблюдать, но свои тоже придумую!

С таким настроем я разобрала чемоданище, поживописнее раскидала собственные вещи по бильярдной (пусть хаос, зато он мой), разложила всю косметику и косметические принадлежности в ванной и приготовила себе роскошный обед из запасов Омельчина. Я как раз доедала греческий са-

лат и овощной крем-суп, когда от чумового братца пришла смс.

В общем, стало капельку стыдно, я решила, что я не зверь и ужин могу приготовить на двоих. Только зря старалась: даже спасибо не сказал, придурок. А вот что сказал, лучше бы не говорил вовсе. Потому что руки зачесались этим ужином в него бросить. И до сих пор чешутся.

Вот всякий раз, когда думаю, что в Нике есть что-то хорошее, он поворачивается ко мне тем местом, на котором сидит. И ведь вроде помог мне, но... Ладно мне его доброта не сдалась. Хочет, чтобы я была незаметной и ходила по стеночке? Обломится! Хочет, чтобы не лезла с разговорами? Пожалуйста! Тем более, что между нами ничего общего.

На часах уже половина девятого, поэтому я на автопилоте бреду в ванную через гардеробную, чтобы умыться и почистить зубы. Потом нужно будет сообразить завтрак и собраться в Школу. Мысли об учебе заставляют воспрянуть духом и ускорить шаг. Интересно, что Джордж скажет насчет моих фотографий. Вчера допоздна сидела, чтобы все успеть, но у меня получилось...

Я застываю на пороге, будто врезаюсь в одну из стеклянных перегородок, которыми утыкана квартира. И всему виной Ник. В душе! Он стоит ко мне спиной, подставив голову под струи воды и положив ладони на мраморную стену. Вода, судя по всему, достаточно прохладная, потому что прозрачное стекло почти не запотело, и мне видно абсолютно

все: сильные плечи, словно литые мышцы спины, перекачивающиеся под загорелой кожей, и упругие ягодицы.

Вот это задница!

Я трясую головой, чтобы развидеть эту сцену, достойную войти в сюжет фильма для взрослых, но Ник не пропадает. Более того, запрокидывает голову, подставляя лицо под личный водопад, а потом вдруг и оборачивается.

За считанные секунды до того, как я успеваю нырнуть обратно в гардеробную!

Сердце колотится, будто собирается выйти из груди и присоединиться к моей эротической фантазии. Вместе с дыханием, которое с какими-то недостонами срывается с губ. Омельчин в душе – это, пожалуй, самое-самое эротичное, что я видела в своей жизни. Несмотря на то, что настоящего секса в моей жизни еще не было, доступ в Интернет у меня был, а там можно увидеть все что угодно.

Только не Ника Омельчина.

Только не обнаженного Ника Омельчина под струями воды.

Понимаю, что на нервах комкаю футболку, которая служила мне пижамой, и отряхиваю ее. Хорошо хоть в этой неудобной квартире есть другой туалет, и в котором есть раковина. Пусть самая крошечная раковина, что я видела и, чтобы в ней умыться, нужно очень постараться, но мне просто необходимо умыться и немного остыть. Самую малость.

Потому что я возбудилась от одного только обнаженного

вида Омельчина.

А кто бы не возбудился? Особенно, когда он такой...

Но оправдание – на троечку.

Долго стараюсь водой смыть и забыть то, что увидела. Жаль, не получается сунуть голову под кран. Во-первых, тогда придется сушить волосы, и я могу опоздать, а во-вторых, сильно сомневаюсь, что поможет.

Вытираю лицо полотенцем (у меня свое, с которым я, собственно, и шла в ванную), поправляю футболку и выхожу.

Чтобы, не дойдя до лестницы на второй этаж, снова устаться на обнаженную спину Омельчина!

Ник готовит себе завтрак и из одежды на нем только джинсы.

Нет, ну он издевается!

– Ты мог бы хотя бы одеваться, раз мы живем вместе, – говорю я, топая наверх.

– Зачем? – со смехом интересуются мне в спину. – Тебе ведь понравился я без одежды.

Я едва не спотыкаюсь о ступеньку.

То есть он меня все-таки заметил?!

Вот же му... жик.

Ну нет!

Я больше не стану умыться в той мелкой раковине. И убегать больше не стану. Не на ту напал!

Медленно поворачиваюсь и встречаю его взгляд. Спереди Ник Омельчин так же хорош, как и сзади, но я настолько зла,

и в моей крови гуляет такое бешеное количество адреналина, что я не собираюсь пасовать или краснеть перед ним.

– Значит, еще одно правило, о котором ты не успел меня предупредить?

– Правило? – переспрашивает мужчина, по-прежнему улыбаясь.

– Ну да, – киваю. – Что-то вроде по утрам в этом доме нужно ходить голышом. Так я не стану его нарушать.

Я подхватываю края футболки и стягиваю ее. Под ней только нижнее белье: обычное, белое, с простым кружевом. Я не стесняюсь своего тела, на пляже и то обнажаются больше, но под потемневшим взглядом Ника, испытываю смешанные чувства. От офигения от собственной смелости до торжества. Потому что Омельчин сейчас останется без завтрака: он откровенно залипает с зажатой в руке чашкой и рассматривает меня всю.

– Достаточно? – спрашиваю я, успешно пряча улыбку за закушенную нижнюю губой. – Или нужно идти до конца? Знаешь ли, для меня это все непривычно...

– Нет такого правила! – рычит Ник, и я едва сдерживаю смех.

– У тебя сейчас яйца подгорают.

– Что?

– На сковороде, – киваю за его спину.

Надо видеть его лицо! Будь под рукой камера, я бы это сняла, а потом распечатала и повесила на стену. В гостиной.

Медленно поднимаюсь по лестнице с наслаждением слушаю, как на кухне матерится Омельчин.

К моей огромнейшей радости, когда я спускаюсь снова, оказывается Омельчин уже ушел. Поэтому тоже быстро завтракаю сэндвичами с индейкой и сыром и бегу на учебу. Хорошо, что я додумалась в первый же день купить билет на целый месяц и сейчас не ограничена в своих передвижениях. Тем более, что до учебного центра от «Москва-сити» теперь далековато.

Едва успеваю, врываясь в аудиторию в самую последнюю минуту, отчего оказываюсь в центре внимания, потому что Джордж бросает на меня неодобрительный взгляд, а еще – во втором ряду и возле двери, потому что на моем месте возле окна расположилась брюнетка с короткой стрижкой. Но хуже всего, когда ведущий фотограф предлагает начать разбор вчерашней фотосессии с меня.

– А вот и первый претендент! – кивает в мою сторону, прежде чем я успеваю занять свободную подушку.

Это не то, что неожиданно, это, блин, неожиданно так, что от волнения у меня пересыхает в горле и подкашиваются ноги!

– Вперед. Надеюсь, умеешь этим пользоваться лучше, чем будильником.

Только сейчас замечаю проектор, именно через него Джордж собирается рассматривать наши работы на белой

стене.

Группа смеется, кто-то хмыкает, и мне хочется показать им непристойный жест. Бесит, когда высмеивают. В детстве я этого хлебнула сполна, из-за лишних килограммов, которые потом сгоняла спортом и правильным питанием. Конечно, худышкой стать не получилось, но то, что смогла, я исправила. Зато на смешки в глаза и за спиной у меня остался условный рефлекс: я расправляю плечи, приподнимаю подбородок и делаю свое дело. То, ради чего я здесь. То есть ради кого – самой себя.

Но, видимо, сегодня не мой день.

Потому что стоит первому портрету благодаря проектору возникнуть на стене, как Джордж разносит его в пух и прах. Критикует так, что у меня холодеют пальцы, и вообще в груди холодеет. И каждое обидное слово о банальности, о спешке, о неумении видеть удачный ракурс острым жалом вонзается в мою самооценку все глубже и глубже. Но самое ужасное, что фотограф не позволяет мне показать следующий снимок, который как мне кажется (да, теперь я точно уверена!) значительно лучше этого.

– Для любителей выпастыся объясняю, что нужно было выбрать одно фото, – раздраженно поясняет он, даже не глядя на меня. – Освободи место для следующего.

Я люблю то, что я делаю, но сейчас мне хочется не просто плюхнуться на подушку, а уткнуться в нее лицом. Поэтому игнорирую сочувствующие и злорадные взгляды, ку-

саю губы и чувствую себя ужасно. Не спасает даже тот факт, что Джордж критикует почти все фото, которые по очереди появляются на стене. Достается всем студентам, кроме, пожалуй, Влада и брюнетки с челкой: они получают отметку «сносно».

– Он не с той ноги что ли встал? – шепотом интересуется Арт.

– Или мы все – отстой, – подавленно отвечает долговязый Коля, сидящий впереди меня.

После просмотра всех работ Джордж толкает речь о том, что все конечно ужасно, но раз мы здесь, значит, готовы совершенствоваться. И раз у нас есть он, значит, некоторые с его помощью достигнут высот.

Дальше фотограф с именем подробнее рассказывает про наши косяки и как их исправить, и уже не хочется удивиться. А после перерыва показывает, как работает он, снимая новую модель, и в конце приглашает попрактиковаться нас. С одной стороны все правильно, он прав, он опытнее, с другой – теперь во мне тонна нерешительности, и делать фотографии под строгим скептическим взглядом Джорджа для меня как ходить по сгнившему веревочному мосту над пропастью. Страшно и кажется, что вот сейчас точно свалишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.